

II. ПЕРЕВОДЫ И КОММЕНТАРИИ

<https://doi.org/10.21638/2226-5260-2020-9-1-275-282>

НА ГРАНИЦЕ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ОПЫТА: ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ ПЕРЕВОДА ФРАГМЕНТА ИЗ «ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ РАЗМЫШЛЕНИЙ» МАРКА РИШИРА

САША КАРЛСОН

Доктор философии.
Карлов Университет, факультет гуманитарных наук.
11636 Прага, Чехия.
E-mail: sachacarlson@gmail.com

АННА ЯМПОЛЬСКАЯ

Доктор философских наук.
Национальный исследовательский университет «Высшая Школа Экономики», Центр фундаментальной социологии.
105066 Москва, Россия.
E-mail: iampolsk@gmail.com

Цель настоящей статьи — представить русскоязычному читателю перевод первого из «Феноменологических размышлений» Марка Ришира (1943–2015). Марк Ришир — одна из ключевых фигур «новой французской феноменологии» (термин Гондека и Тенгели). Вводя различие между «символическим» и «феноменологическим» слоями смысла, Ришир строит феноменологическую архитектуру. Символический смысл — смысл уже учрежденный, или подлежащий учреждению — противопоставляется Риширом смыслу феноменологическому — смыслу, лишь находящемуся в становлении. Мы достигаем области феноменологического путем новой, более радикальной редукции, которую Ришир называет «гиперболической редукцией». Ришировский проект феноменологии *nova methodo* открывает новые возможности перед трансцендентальной феноменологией.

Ключевые слова: Марк Ришир, новая французская феноменология, феноменологическая редукция, феномен, феноменологическая архитектура.

© SACHA CARLSON, ANNA YAMPOLSKAYA, 2020

ON THE FRONTLINE OF PHENOMENOLOGICAL EXPERIENCE:
THE PREFACE TO THE TRANSLATION OF THE FIRST OF
“PHENOMENOLOGICAL MEDITATIONS” BY MARC RICHIR

SACHA CARLSON

PhD in Philosophy.
Charles University, Faculty of Humanities.
11636 Prague, Czech Republic.
E-mail: sachacarlson@gmail.com

ANNA YAMPOLSKAYA

DSc in Philosophy.
National Research University Higher School of Economics, Centre for Fundamental Sociology.
105066 Moscow, Russia.
E-mail: iampolsk@gmail.com

The aim of this paper is to present and briefly comment on our Russian translation of the first of *Phenomenological Meditations* of Marc Richir (1943–2005), a key figure of the “New French Phenomenology” (a term of Gondek and Tengelyi). Richir develops a phenomenological architectonics by distinguishing between the “symbolic” and “phenomenological” layers of sense. The symbolic sense, as a sense that is already instituted or that could be instituted, is opposed to the phenomenological sense, which is a sense in formation. The sphere of the phenomenological can be reached by way of a new, more radical reduction, which Richir calls a “hyperbolic reduction.” Richir’s phenomenological project *nova methodo* opens up new possibilities for the transcendental phenomenology.

Key words: Marc Richir, New French Phenomenology, phenomenological reduction, phenomenon, phenomenological architectonics.

Мы предлагаем читателю перевод фрагмента из «Феноменологических размышлений» Марка Ришира (1943–2015) — одного из самых влиятельных феноменологов недавнего времени. Наследие Ришира уже отчасти знакомо российской публике (Richir, 2014, 2015, 2016); в нашем предисловии мы хотели бы кратко обозреть его творческий путь, указав на то место, которое занимают в нем «Феноменологические размышления».

Хотя сегодня Марк Ришир известен в основном как продолжатель и интерпретатор Гуссерля, не следует забывать, что он принадлежал к «поколению 1968 года» — поколению, отмеченному духом сопротивления и сомнения. Эти настроения проявлялись в первую очередь в политической мысли, ставшей для Ришира одним из источников вдохновения. Ранние тексты Ришира представляют собой пример радикальной левой мысли, свободной от непосредственного влияния Маркса (и это отличает его от мыслителей предыдущей эпохи);

его мысль развивается скорее под влиянием идей Клода Лефора, его критики тоталитаризма и анализа феномена революции.

Дух сомнения, свойственный той эпохе, проявлялся не только в сфере политики — им пронизан весь философский настрой того времени, отмеченного столкновением пост-хайдеггерианской и структуралистской мысли. Ришир очень внимателен и к той, и к другой: он рано начинает читать и комментировать Хайдеггера, он читает Деррида и посещает его семинары, внимательно прорабатывает тексты Лакана и Леви-Стросса. Однако уже в своих ранних сочинениях он пытается сопротивляться в равной степени и хайдеггерианству, и структурной антропологии. Это сопротивление проявляется, в частности, в том значении, которое Ришир придает наследию Гуссерля; в отличие от последователей Хайдеггера или Деррида, пытавшихся сбросить Гуссерля с «парохода современности», именно в его трудах Ришир ищет исходный смысл феноменологической работы. Однако путь к Гуссерлю не был прямым и беспроblemным; Ришир двигался обходным путем — через Мерло-Понти и немецкий идеализм. Своеобразие ришировской мысли состоит в осуществленном им сплаве интуиций немецкого идеализма (в первую очередь идей Фихте и Шеллинга, а также кантовской проблематики эстетических суждений) и практики феноменологического анализа: именно в немецком идеализме Ришир находит путь, позволяющий ему по-новому прочесть Гуссерля. Феноменология отныне — это не эйдетический анализ переживаний сознания, но выявление той неопределенности, которая и составляет, собственно, феноменологическую основу всякого переживания. Феномен отныне выступает как нечто радикально неопределенное и неопределимое, тем самым и не-вообразимое, и, если так можно выразиться, не-осознанное или бес-сознательное: таковы черты той феноменологии, которую Ришир начинает разрабатывать.

«Феноменологические размышления», опубликованные в 1992 году, занимают центральное место в наследии Ришира. Как видно уже из заглавия, в этой книге он ведет диалог с двумя важнейшими для феноменологической традиции текстами, а именно с «Размышлениями о первой философии» Декарта и с «Картезианскими размышлениями» Гуссерля. Это зрелый труд, опирающийся на многолетнюю работу (к моменту выхода «Размышлений» Ришир был уже автором девяти монографий, не считая многочисленных статей); таким образом, эта книга венчает собой целую эпоху его философских изысканий. Заметим в скобках, что лишь девять лет спустя, в 2000 году, мысль Ришира примет новое направление в связи с обнаружением *фантазии* в гуссерлевских рукописях, собранных в XXIII томе «Гуссерлианы».

Первое «Размышление», перевод которого мы предлагаем читателю, представляет собой поистине головокружительное введение в ришировскую проблематику феноменологической архитектоники. Как пишет сам Ришир в предисловии, «Первое размышление» может быть прочитано отдельно от всего остального текста книги всяким, «кто хоть немного знаком с феноменологической проблематикой, разработанной Гуссерлем, Хайдеггером, Финком, Паточкой и Мерло-Понти» (Richir, 1992, 8). Действительно, Ришир начинает свой текст с «размышления» над словами Гуссерля о «движении зигзагом». Как и в предыдущей своей важной книге, «Феноменологических исследованиях» (Richir, 1981), Ришир показывает, что уже в «Логических исследованиях» отец-основатель феноменологического движения полностью отдавал себе отчет в том, что одним из основных затруднений в феноменологическом анализе оказывается внутренне присущий этому анализу *круговой характер*. У Гуссерля круг — это круг между логическими понятиями, прояснению которых служит анализ, и теми понятиями, которыми этот анализ пользуется при прояснении. Ришир начинает с комментария к цитате из Гуссерля, но потом, как это ему свойственно, радикально углубляет проблематику, показывая, что проблема куда серьезнее, чем может показаться на первый взгляд. На самом деле речь идет о круговом характере, который включает в себя бытие (*эйдосы*), переживания мышления, а также значения (понятия) языка логики. Ришир, однако, настаивает на том, что этот круг — не просто логический; речь идет не о логической тавтологии, отождествляющей различные члены отношения. Речь идет о тавтологии «символической», оставляющей своеобразный «зазор» между теми членами, которые она соединяет между собой. Но что означает здесь «символическое»?

Различие между *символическим* и *феноменологическим* измерениями опыта является самым важным из тех различий, которыми Ришир оперирует в «Феноменологических размышлениях». В наиболее грубом виде это различие можно сформулировать как различие между «культурой» и «природой» (Richir, 1988, 26; 1996, 14). Речь идет о различии между смыслом, который разворачивается в каком-то всегда уже заданном горизонте опыта, о смысле, который развивается в уже седиментированных слоях смысла, — и неприрученным, «диким» смыслом, смыслом, который не поддается определению, поскольку смыслом в строгом смысле еще не стал, а лишь находится в становлении. Именно эту, более глубокую область смысла Ришир и обозначает как «феноменологическую» — в противоположность области символического, которая всегда уже определенным образом структурирована, *учреждена*. Эта исходная структури-

рованность смысла описывается Риширом в терминах *учреждения (institution)*, которое отсылает и к *Stiftung* Гуссерля, и к *institution* у позднего Мерло-Понти. Для Ришира феномен феноменологии — это кантовский «предмет природы» в описании возвышенного, то, представление о чем «побуждает душу мыслить недосыгаемость природы как изображения идей» (Richir, 1988, 94; cf. KUK § 29, AA 268). «Изображение идей», то есть первичная фиксация смысла, запускающая смысловую машину символического учреждения, не может быть соразмерна опыту как таковому, данности как таковой, которую наша фиксация смысла непременно искажает и обедняет. Мечта о символической системе, которая позволит описать наш опыт в целом, должна остаться лишь мечтой. Дело не в том, что такая система оказалась бы слишком громоздкой (Ришир не боится громоздких конструкций), а в том, что ни одна система подобного рода не может вместить в себя вечно ускользающий от нее феноменологический смысл. Именно в слепоте к уровню феноменологического — то есть к тому смыслу, который не является смыслом чего-то определенного или смыслом определяемым, — и состоит ошибка немецкого идеализма, мечтавшего о подобной всеохватной системе.

Символическое учреждение — то символическое учреждение, в котором живем мы (в отличие от символического учреждения, в котором жили архаические народы) — включает в себя философию и логику, однако далеко не ограничивается ими. Философский смысл всегда питается от общей символической системы, от символического учреждения в целом, которое включает в себя культурные практики, способы репрезентации, технику, структуры родства и прочее (все, что включено в понятие «цивилизация»). Однако, в отличие от классического структурализма, ришировское символическое учреждение — это принципиально открытая структура, которая все время расширяется и обновляется и тем самым не является в строгом смысле отдельным *объектом, поддающимся идентификации*, — тем, что может стать предметом самостоятельного изучения (Richir, 1995, 15). Символическое не просто противостоит феноменологическому, оно несет на себе глубокий «отпечаток» феноменологического (Richir, 1988, 27); символическое и феноменологическое «встречаются». Без этой встречи функционирование смысла свелось бы к чистой машинальности (то, что Ришир по-хайдеггеровски называет *Gestell*), а на уровне психики — к «автоматизму повторения», в котором живет лакановский невротик. Однако человек — не будучи одним из «учредителей» символического учреждения (и здесь мы видим радикальное расхождение с Мерло-Понти) — не является единоличным хозяином, полновластным творцом смысла; символическое

учреждение всегда превосходит любой горизонт, конституированный субъектом, — даже если это субъект трансцендентальный.

Область «феноменологического» (так, как ее определяет Ришир) является расширением предметного поля феноменологии. Речь идет об экспансии феноменологического метода: в отличие от Мариона, который вводит в феноменологию так называемые «глубокие феномены», феномены исключительные, ришировская феноменология открывает нам возможность работать с более «слабыми феноменами» — с традиционными феноменами обыденного, в которых, однако, открывается сырой, не поддающийся понятийному схватыванию опыт жизни (Gondek & Tengelyi, 2011, 28, 43). Каким же образом возможен доступ к этому неуловимому, неопределимому феноменологическому смыслу, если тот «еще безмолвный опыт» (Husserl, 1950, 77; 2001, 33), в котором этот смысл рождается, разрушается любой рефлексией, оперирующей уже готовыми понятиями? Ответом является радикализация или, скорее, гиперболизация гуссерлевской редукции — операция, которую Ришир называет «гиперболической редукцией». Гиперболическая редукция *подвешивает символический смысл*, приостанавливая работу символического учреждения. Результат — прорыв за пределы интенционального сознания и даже за пределы данности — если, разумеется, под данностью понимать, как это делает Ришир, данность, выраженную в словесной дескрипции, — к полю феноменов как «только феноменов», которые «мерцают» между явлением и кажимостью.

Как известно, подобную радикализацию эпохе можно найти не только у Ришира; она характерна для всей французской феноменологии начиная с восьмидесятых годов (в частности, мы обнаруживаем ее и у Жан-Люка Мариона, в котором Гондек и Тенгели видят другой «полюс» «новой французской феноменологии» (Gondek & Tengelyi, 2011, 28)). Отметим, что новая редукция отнюдь не приводит к чистой имманентности сознания, *Dasein* или же Жизни (как это происходит, например, у Мишеля Анри); ришировская гиперболическая редукция обнаруживает внутреннюю жизнь самости, изнутри открывающейся той (двойной) трансцендентности, которую можно описать исходя из кантовского момента возвышенного, — причем испытываемая изнутри трансцендентность выступает как радикально внешнее измерение, которое и конституирует человеческий опыт. Стоит подчеркнуть, что эта парадоксальная философия трансцендентности отнюдь не входит в конфликт с «методологическим атеизмом», завещанным нам Гуссерлем: в этом смысле ришировская философия противостоит так называемому «теологическому повороту» французской феноменологии, описанному Домиником Жанико.

Гиперболическая редукция открывает возможность другой трансцендентальной феноменологии — феноменологии, в которой нет места какой бы то ни было трансцендентальной инстанции, обеспечивающей легитимное поле феноменологической работы. У Гуссерля агентом и получателем феноменализации, гарантировавшим такую легитимность, была трансцендентальная субъективность; в хайдеггеровской феноменологии эту же роль берет на себя *Dasein*. Но в ришировской феноменологии это место — место феноменализации феноменов — остается вакантным: согласно Риширу, и трансцендентальная субъективность, и *Dasein* — суть всего лишь «онтологические симулякры», суррогаты Бога, который должны быть разоблачены как «трансцендентальная иллюзия». В ришировской феноменологии мое явление самому себе перестает быть эталоном всякого явления вообще; субъективность — как эмпирическая, так и трансцендентальная — перестает играть роль медиума, универсальной среды феноменализации. В то же время ришировскую феноменологию нельзя свести и к «трансцендентальному спинозизму», утверждающему радикальную анонимность смысла: тезис, согласно которому феномены мыслят себя сами, представляет собой другой вариант той же самой «трансцендентальной иллюзии». Смысл и его структуры не апроприированы никаким субъектом, в том числе и трансцендентальным, но это не означает, что моя субъективность — или, точнее, моя фактичность — никак не участвует в возникновении смысла. Смысл открывается как нечто внутренне гетерогенное, находящееся на пересечении меня и мира.

Наследие Ришира еще не вполне освоено международным феноменологическим сообществом, однако интерес к нему постоянно растет. В 2019 году в университете Вупперталя прошел первый Ришировский конгресс, приуроченный к открытию Архива Марка Ришира. Ришировская феноменология, вобравшая в себя интуиции структурализма и немецкого идеализма, проблематизирует основные оперативные понятия феноменологии: феномен, смысл и субъективность; она приводит к подлинному преобразованию феноменологического метода. Ришир показывает, что у феноменологии есть теоретические ресурсы, позволяющие вести работу с неопределенностью и нестабильностью. Не в этом ли состоит вызов, который бросает философии современность?

REFERENCES

- Gondek, H.-D., & Tengelyi, L. (2011). *Neue Phänomenologie in Frankreich*. Berlin: Suhrkamp.
- Husserl, E. (1950). *Cartesianische Meditationen*. Den Haag: Martinus Nijhoff.
- Husserl, E. (2001). *Cartesian Meditations*. Rus. Ed. Moscow: Dom intellektual'noi knigi Publ. (In Russian).

- Richir, M. (1981). *Recherches phénoménologiques (I, II et III): Fondation pour la phénoménologie transcendantale*. Bruxelles: Ousia.
- Richir, M. (1998). *Phénoménologie et institution symbolique: Phénomènes, Temps et Êtres II*. Grenoble: Jérôme Millon.
- Richir, M. (1990). *La crise du sens et la phénoménologie: autour de la Krisis de Husserl*. Grenoble: Jérôme Millon.
- Richir, M. (1992). *Méditations phénoménologiques: Phénoménologie et phénoménologie du langage*. Grenoble: Jérôme Millon.
- Richir, M. (1996). *L'expérience du penser: Phénoménologie, philosophie, mythologie*. Grenoble: Jérôme Millon.
- Richir, M. (2014). On the Phenomenological Unconscious: Epoche, Blinking and Reduction Phenomenological. In S. Sholokhova, & A. Yampol'skaya (Eds.), *(Post)phenomenology: The New Phenomenology in France and Beyond* (209–228). Rus. Ed. Moscow: Akademical Project Publ. (In Russian).
- Richir, M. (2015). Phenomenology of Aesthetic Consciousness. Husserl (Hua XXIII, text No. 15) (A. Yampol'skaya, Trans.; G. Chernavin, Ed.). Rus. Ed. *Ezhegodnik po fenomenologicheskoi filosofii*, 4, 316–331. (In Russian).
- Richir, M. (2016). Phenomenology of the Poetic Element (R. Sokolov, Trans.; G. Chernavin, Ed.). Rus. Ed. *Horizon. Studies in Phenomenology*, 5(1), 218–298. (In Russian).